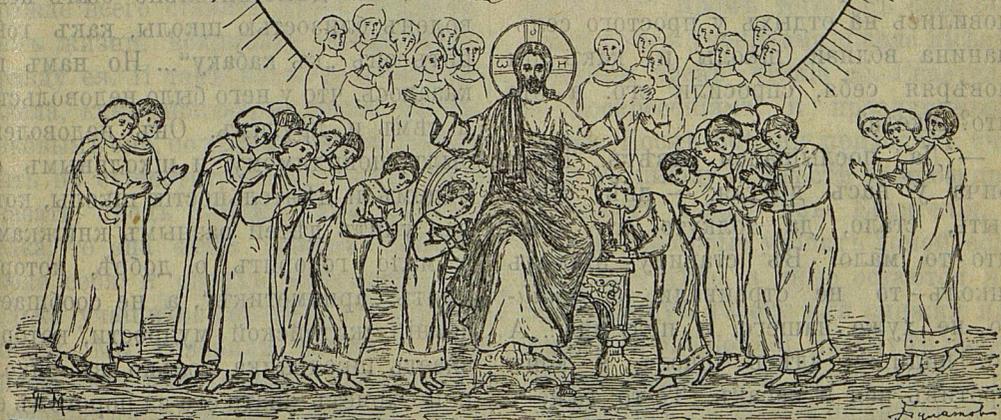

БОЖІА ТРИЦА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО

ТРОИЦКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ ДЛА ЦЕРКОВНО ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ.

ШКОЛА ВЪ БОРЬБѢ ЗА ТРЕЗВОСТЬ.

(Статья третья).

Ие нарадуются современные „передовые“ дѣятели на успѣхи и завоеванія науки, расширившей почти до безпредѣльныхъ границъ горизонтъ человѣческихъ знаній и разрѣшившей неразрѣшимыя дотолѣ тайны бытія. Наука съ своими усовершенствованіями и изобрѣтеніями всюду почти на услугахъ у человѣка...

И однако нашъ простой народъ, слышавшій, конечно, объ изобрѣтеніяхъ ума человѣческаго и видавшій невиданныя имъ дотолѣ кой-какія диковинки часто, и тоскливо иногда приговариваетъ: „а все-жъ въ старину жилось лучше“... Что вспоминаеть, о чемъ тоскуеть онъ?.. Чего не достаеть ему, когда на селѣ у него красуется

большая красивая школа, манящая въ свои объятія его дѣтей; тамъ за селомъ вдали высятся громадныя фабрики, дающія награду за трудъ, а здѣсь пролегаетъ желѣзная дорога, готовая перебросить его за тысячи верстъ... А онъ смотритъ на все это и всё-таки недовольство не оставляетъ его: онъ не доволенъ и этой фабрикой, и этой дорогой, и этой школой... Да, и школой.

Недавно мы зашли въ одно большое село. На краю его стройно стояла новая, красивая школа съ большими окнами, въ которыя ударяло своими лучами вечернее солнышко... Мы остановились на отдыхъ у простого сельчанина вблизи школы и, какъ бы повѣряя себя, спросили его: а это что? школа?

— Да, слышался отвѣтъ. Теперича у насъ другая; — двѣ, стало быть, стало, да толкуто въ нихъ что-то мало. Въ старину этакихъ школъ-то не страивали, а жили-то не хуже нашего, а получше... А то, видишь, здѣсь школа, а вонъ противъ нея и кабакъ. То-то гоже—сиди въ школѣ, а учишь у кабака... Вонъ недавно мой меньшей-то сынишка прибѣжалъ изъ школы да и рассказываетъ, какъ дядя Митрій кривлялся у кабака, да выдѣлывалъ разныя штуки... А потомъ еще примѣтилъ, какъ дядя Петръ ругался, да все окна у кабака хотѣлъ выбить—вонъ домикъ-то Петра Спиридонова—такъ изъ этого самого домика Петръ-то... Вижу это я, все мой малышъ-то за пьяными наблюдаетъ, а я и поучи его: „не смотри, моль, на пьяныхъ, а смотри на трезвыхъ—да учишь“...
— Это я такъ, тятенька, говорить, я такъ, а я учусь...
— Да чему же ты учишься, пострѣль—говору.

— А разнымъ книжкамъ, которыя учитель намъ даетъ... про ариметику... про еще что-то...

— А я ему еще нагоняй: книжкамъ-то, говорю, учишь, да добру-то то-же, а то куда ты въ жизнь-то годишься?..

Я взглянулъ еще въ сторону школы. Дѣйствительно, невадалекъ отъ нея была винная лавка и близость ихъ дала возможность сдѣлать старожилу какое-то двухсмысленное сближеніе: „сиди въ школѣ, а учишь у кабака“. Что хотѣлъ имъ сказать собесѣдникъ? Дѣлалъ-ли онъ общую своеобразную характеристику школьной постановкѣ дѣла, или дѣйствительно былъ недоволенъ близостью школы, какъ говорить онъ „къ кабаку“... Но намъ показалось, что у него было недовольство и тѣмъ и другимъ. Онъ недоволенъ былъ, повидимому, и школьнымъ соедомъ и дѣятельностію школы, которая учитъ дѣтей разнымъ книжкамъ, а мало говоритъ о добрѣ, которая учитъ „аритметикѣ“, а не сообщаетъ знаній житейской мудрости, которая знаетъ школьника только въ школѣ и не хочетъ знать его за порогомъ ея. А между тѣмъ вѣдь эта-то связь жизни и школы и наоборотъ—школы съ жизнію и является необходимымъ условіемъ правильнаго воспитанія дѣтей. Это-же нужно сказать и о борьбѣ школы за народную трезвость. Доколѣ школьные дѣятели не будутъ заглядывать за порогъ школы, доколѣ имъ будетъ чужда возможная для ихъ школярровъ будущая житейская дѣйствительность, доколѣ школа будетъ оторвана отъ жизни, дотолѣ школа безсильна приготовить своего питомца къ борьбѣ съ житейскими невзгодами. Припомните стариннаго грамотея-учителя. Онъ научалъ своего ученика всему, что онъ зналъ, но онъ говорилъ при этомъ, что начало всякой

премудрости—страхъ Божій. И если и въ старину было много незнавшихъ страха Божія, людей порока и разгула, то, несомнѣнно, причина этого не въ учителяхъ-грамотеяхъ, а въ томъ, что въ старину далеко не вездѣ-то были эти мудролюбцы-грамотеи, учившіе однако, всегда, гдѣ они были, правдѣ жизни и страху Божію и ставившіе, такимъ образомъ, учениковъ своихъ съ дѣтскихъ лѣтъ предъ лицомъ жизни.

И современная школа, располагающая большими средствами къ просвѣщенію, сообщая знанія, должна прежде всего ставить дѣтей предъ лицомъ жизни, вскрывать предъ ними правду ея. И такъ какъ современная школа, какъ притворъ храма Божія, каковымъ она, по крайней мѣрѣ должна быть по существу, *всегда* стоитъ, такъ сказать, предъ лицомъ села или поселка, то она *всегда* должна единить около себя и своихъ питомцевъ, не только учащихся въ ней, но и учившихся. Мы говорили ранѣе ¹⁾, что школа въ дни особаго разгула и празднествъ поселянъ должна собирать дѣтей подъ свой кровъ. Это исключительная задача ея, вызываемая особыми обстоятельствами. Но кромѣ этого, школа должна и постоянно поддерживать связь въ формѣ простыхъ семейныхъ отношеній съ своими настоящими и бывшими учениками. Объ этой связи учащихся съ наличнымъ составомъ учениковъ уже была у насъ рѣчь. Что же касается оканчивающихъ курсъ науки учениковъ, то въ этомъ отношеніи не лишень значенія опытъ, о которомъ сообщаетъ одна учительница ²⁾. Рѣчь идетъ здѣсь о сред-

ствахъ борьбы съ винопитіемъ школьникова. Однимъ изъ такихъ средствъ и самымъ, по ея мнѣнію дѣйствительнымъ, является запись старшихъ учениковъ, при окончаніи ими курса, послѣ экзамена, въ особую школьную „трезвую“ книжку. „Книжка эта, пишетъ учительница, существуетъ у насъ уже 8 лѣтъ и нѣкоторые изъ записавшихся учениковъ живутъ на отхожихъ промыслахъ. Пишутъ иногда письма мнѣ или завѣдующему школою и благодарятъ, что мы устроили для нихъ общество трезвости, благодаря чему, они, члены этого общества, не пьютъ“. Кромѣ того, „съ окончившими курсъ учениками школа имѣетъ сношенія чрезъ чтеніе св. Евангелія по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ. Послѣ обѣдни приходятъ ученики въ школу и вмѣстѣ со мною прочитываютъ главу изъ Евангелія, а потомъ нѣкоторые уходятъ домой, если тамъ есть дѣло, а иные остаются читать мѣстную газету или книжки изъ школьной бібліотеки. Наканунѣ праздниковъ окончившіе курсъ ребята тоже бываютъ на собесѣдованіяхъ и не рѣдко обращаются за разъясненіемъ чего-нибудь изъ прочитаннаго ими въ теченіе недѣли“.

Какъ хороша и какъ желанна эта связь школы съ вышедшими изъ нея и вступившими въ жизнь школярами! Какъ хорошо, если завѣдующему и учителю школы удастся сдѣлать свою школу навсегда и для всѣхъ учащихся и учившихся притворомъ приходскаго храма! Какъ хорошо, если школа и по выходѣ учениковъ изъ нея съумѣетъ преградить имъ входъ въ винную лавку, наставить и вразумить ихъ!.. И какъ жаль, что нѣкоторые упускаютъ изъ виду значеніе этой связи школы съ жизнію, значеніе простыхъ собесѣдованій не только зимой, но и лѣтомъ, не

¹⁾ „Школа въ борьбѣ за трезвость“ (статья вторая).

²⁾ Яросл. Епарх. Вѣдомости, 1904 г. № 23.

только въ школьные часы, но и до-сужіе... Все это, вмѣстѣ взятое, будетъ развивать и укрѣплять дѣтскую, а потомъ и юношескую волю въ извѣстномъ *жизненно-практическомъ направле-ніи*, все это введетъ школяра въ жизнь и поддержитъ его, когда онъ подѣ-обуревающимъ воздѣйствіемъ печальной дѣйствительности, будетъ спотыкаться и падать на скользкомъ житейскомъ пути.

Не послѣднее мѣсто въ воспита-ніи дѣтской и юношеской воли, въ жизненно - практической подготовкѣ дѣтей, въ огражденіи ихъ отъ порока винопитія должно занимать и, такъ сказать, наглядное, осязательное воз-дѣйствіе на сознание учащихъся и учив-шихся въ школѣ, на юныхъ и взрос-лыхъ, воздѣйствіе, которое родило-бы потокъ мыслей, отличныхъ отъ усла-

дительныхъ думъ, которыми живетъ гуляка, и видящій въ водкѣ друга и утѣху жизни. Здѣсь омы естественно подходимъ къ вопросу о тѣневыхъ картинахъ, которыя съ пользою мо-гутъ послужить труженикамъ на нивѣ Божіей и всеѣмъ соболѣзующимъ рус-скому, да и не только русскому, горю, каковымъ является ужасное винопитіе. Представляя вниманію зрителей тѣ-лесныя недуги алкоголика, тѣневые картины могутъ явиться могучимъ вос-питательнымъ средствомъ въ рукахъ борца за народную трезвость. Въ ниже-помѣщаемой нами статьѣ нашъ по-чтенный сотрудникъ о. І. Молебновъ приводитъ и данныя опыта, прибли-зительно опредѣляющія степень воз-дѣйствія этихъ картинъ на сознание учащихъся.

Д. Введенскій.

ЧТЕНІЯ СЪ ТѢНЕВЫМИ КАРТИНАМИ О ПЬЯНСТВѢ.

Алкоголизмъ, какъ извѣстно, глу-боко пустилъ корни въ организмъ русскаго человѣка. Со вкусомъ вина у насъ знакомы даже и дѣти. Такое зло, какъ постепенное отравленіе человѣчества алкоголемъ, настолько серьезно, что оставлять его мыслящимъ людямъ безъ вниманія никакъ нельзя. Всѣ русскіе люди зна-ютъ, что алкоголь вреденъ для орга-низма человѣка, но не всѣ убѣждены, что онъ прямо таки—ядъ. У насъ обы-кновенно говорятъ, много пить вредно, а умѣренно даже полезно, тогда какъ употребленіе алкоголя безусловно убій-ственно.

Въ цѣляхъ ознакомленія взрослого и подросткающаго населенія съ вредомъ пьянства при Малинковской двухклас-сной церковно-приходской школѣ, Ми-

хайловскаго уѣзда, Рязанской губер-ній, въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года было сдѣлано нѣсколько чтеній съ тѣневыми картинами специально по вопросу о пьянствѣ. Слушателямъ было предложено съ надлежащей иллю-страціей одно чтеніе о путяхъ распро-страненія алкоголя, другое — о по-слѣдствіяхъ его, и третье—о борьбѣ съ нимъ. Въ данномъ очеркѣ мы и на-мѣрены, какъ предполагали ранѣе¹⁾, подѣлиться съ читателями „Божіей Нивы“ своими наблюденіями за наро-домъ, во время указанныхъ чтеній.

На первый разъ слушателямъ была прочитана исторія одного пьяницы. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержа-

¹⁾ См. „Божію Ниву“ № 25, статью „Корни великаго зла“.

не этого чтенія. Герой разсказа сначала не пилъ никакого вина, былъ цѣнный работникъ, счастливый семьянинъ. Но друзья уговариваютъ несчастнаго сначала раздѣлить ихъ трактирную компанію только однимъ присутствіемъ, невинной бесѣдой, а потомъ добиваются того, что трезвый сотоварищъ выпиваетъ немного пива, а за тѣмъ дѣло доходитъ и до водки. Изъ трезваго герой разсказа скоро дѣлается пьющимъ, а потомъ и пьяницей. За нетрезвость Иванъ Петровичъ (имя героя) лишается выгоднаго мѣста, ссорится съ любимой дотолѣ женой, доходитъ до нищеты, и, наконецъ, въ припадкѣ бѣшенства убиваетъ своего бывшаго добраго хозяина, якобы главнаго виновника своего несчастія, попадаетъ въ тюрьму, гдѣ отъ помѣшательства умираетъ.

Слушателей на данномъ чтеніи было болѣе 400 человѣкъ. При началѣ чтенія всѣ относились къ разсказу, какъ къ обыкновенной исторіи: на первые признаки запоя Ив. П.—ча смотрѣли, какъ на явленіе заурадное. Но когда дошло дѣло до того, какъ герой изъ чистаго, опрятнаго, даже богатаго приказчика превратился въ растрепаннаго пьяницу, изъ мирнаго семьянина въ буйнаго человѣка, даже въ истязателя своей жены и невинныхъ дѣтей, у всѣхъ на лицахъ невольно выразилось негодованіе и сожалѣніе къ несчастному. Тутъ уже среди слушателей начали слышаться вздохи и различныя сужденія. „Да неужели до этого такъ скоро можно дойти?“ говорятъ одни. „И вѣрно, знать, въ винѣ—ядь!“ заключаютъ другіе. „Вѣдь былъ сначала человѣкъ хорошій, богатый, хорошо одѣтый, и черезъ годъ, черезъ два обнищаль, все пропилъ, жену довелъ до чахотки, въ гробъ вогналъ, самъ убилъ невиннаго человѣка, по-

палъ въ тюрьму, гдѣ отъ помѣшательства мечется, какъ звѣрь.... Господи! что это за наказаніе такое?!—повторяютъ вдумчивые слушатели. Былъ хороший, а вотъ съ ума сошелъ, съ чертями сталъ разговаривать, до чего дошелъ!... Мыши, лягушки его заѣдаютъ.... Это все ему кажется.... бѣдный!... бѣдный!“... раздается изъ толпы.

Результатъ чтенія былъ очевиденъ. Вѣсть о первомъ чтеніи быстро разнеслась по селу; на второе чтеніе слушателей собралось еще болѣе. Въ данный разъ было предложено вниманію публики чтеніе о послѣдствіяхъ пьянства. Здѣсь послѣдовательно разбирался весь организмъ здороваго человѣка и пьяницы.

Отдѣлъ этотъ самъ по себѣ трудный, но такъ какъ слушатели на первомъ чтеніи были уже заинтересованы вопросомъ о пьянствѣ, они, слушая о внутренностяхъ человѣка, старались какъ можно лучше всматриваться во всѣ рисунки. Такъ появляется на полотнѣ желудокъ трезваго человѣка и пьяницы, многіе переспрашиваютъ, какой чертежъ изображаетъ желудокъ здоровый, какой отравленный алкоголемъ, просятъ поддержать на полотнѣ рисунокъ, чтобы лучше запомнить всѣ особенности внутреннихъ органовъ пьяницы. И такъ при разборѣ всѣхъ внутренностей человѣка дѣло шло съ остановками, поясненіями. Особенно живой интересъ къ чтенію проявили женщины. Часто страдая отъ пьяницъ—мужей, онѣ готовы были, какъ можно, глубже уразумѣть все слышанное. Когда дѣло дошло до дѣтей пьяницъ, когда появились на полотнѣ дѣти—уроды, многія женщины, по чувству материнства, даже плакали. Особенно поразила чадолюбивыхъ матерей таблица вымершаго рода.

— Какъ же это, батюшка, такъ произошло? говоритъ одна женщина.

— Мы что-то плохо понимаемъ! произносить другая.

— Былъ человѣкъ Михаилъ, жена у него Настасія, прибѣгая къ приему наглядности, поясняю совопросницамъ; Михаилъ пилъ вино, по просту сказать, пьянствовалъ. Родилось у нихъ два сына, старшій былъ пьяница, онъ до брака еще умеръ. Вотъ отъ него никакого потомства и не осталось. Второй сынъ тоже былъ пьяница, его звали Николай. Но Николай женился, продолжая пьянствовать, жена его тоже пьянствовала. У нихъ родилось десять дѣтей, восемь дочерей и два сына. Дѣвочки всѣ восемь маленькими умерли, но два мальчика нѣкоторое время жили; но они были оба уроды, оба глухие, потомства отъ нихъ никакого не осталось.

— И... и... такъ всѣ и померли? удивленно произнесла одна изъ женщинъ.

— Теперь поняли? спрашиваю.

— Поняли, поняли!... значить, изъ рода Михаила и Настасіи никого на свѣтъ не осталось, заключилъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ, который все время стоялъ молча у полотна.

На послѣднемъ чтеніи, т. е. на чтеніи о борьбѣ съ пьянствомъ слушатели всей своей массой держали себя съ достоинствомъ. По обыкновенію непонятное просили пояснять. Чтеніе велось не спѣша, съ намѣреннымъ замедленіемъ.

Необходимо отмѣтить для полноты описываемой картины отношеніе слушателей къ таблицѣ расходовъ, которая была предложена ихъ вниманію. Для образца былъ прочитанъ расходъ крестьянина-земледѣльца и фабричнаго рабочаго. Въ таблицѣ были указаны всѣ тѣ статьи расхода, которыя

обыкновенно не опускаются въ жизни ни крестьяниномъ-землепашцемъ, ни фабричнымъ. Было указано, сколько тратитъ крестьянинъ на хлѣбъ въ годъ, чай, мясо, вино и многое другое. И вотъ слушатели обратили вниманіе на данную таблицу. Особенно имъ бросился въ глаза расходъ на вино. Оказалось, что данная статья расхода самая высокая по цифрѣ. На хлѣбъ, мясо, вообще все то, чѣмъ поддерживается человѣческій организмъ, тратится сравнительно очень и очень немного. Данную таблицу пришлось два раза прочитать и сдѣлать нѣкоторыя поясненія; безъ поясненій вести данныя чтенія нельзя было, такъ какъ брошюра, по которой приходилось читать, изложена неудачно, написана языкомъ, можно сказать, научнымъ.

Окончивъ чтенія о пьянствѣ, я невольно задумался, насколько иногда люди заблуждаются при обсужденіи различныхъ вопросовъ у себя дома за чайнымъ столомъ. Передъ открытіемъ чтеній о пьянствѣ ко мнѣ явился одинъ сельскій интеллигентъ. Увидя у меня брошюры и картины о пьянствѣ, мой гость даже посмѣялся надо мною. Мало того, хотя вѣжливо, но довольно ясно отгнѣнилъ мою наивность въ данномъ предпріятіи.

— Вы, батюшка, убѣждены, что васъ поймутъ?

— Обязательно поймутъ, отвѣчаю.

— Оказывается, вы совсѣмъ нашъ народъ не знаете. Увѣряю васъ, слушать чтеніе о пьянствѣ не будутъ и ничего не поймутъ. Для сужденія о печенкахъ, сердцахъ, жолчахъ, нервахъ нужна достаточная подготовка, а нашъ крестьянинъ, что изъ себя представляетъ?— Это поголовные пеньки.

— Я такъ плохо не думаю о Русскомъ народѣ.

— Не думаете, придетъ время, будете думать.

— Богъ дастъ, никогда не придетъ такое для меня время. Всетаки я опытъ чтеній о пьянствѣ произведу. Можетъ быть и толкъ какой будетъ?

— Если ужъ дѣлать дѣло, то дѣлать нужно безъ промаховъ. Мое убѣжденіе—безъ увѣренности въ успѣхѣ дѣла не слѣдуетъ и приступать къ нему. Да потомъ и алкоголь не такъ вреденъ, какъ предполагаютъ, особенно для русскаго мужика.

Я не возражалъ, предпочитая опытъ умозрительнымъ сужденіямъ.

Народъ, масса, какъ уже отмѣчено, съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ чтенію о пьянствѣ. Теперь остается прослѣдить, какъ и что вынесли изъ данныхъ чтеній дѣти.

На чтенія были допущены дѣти школьники и нешкольники. И вотъ устные и письменныя сужденія школьниковъ о винѣ. Въ первомъ классѣ пришлось ограничиться только однимъ вопросомъ. Ученики старшей и средней группъ сравнительно порядочно передавали исторію пьяницы, рассказывали о внутреннихъ органахъ здороваго человѣка и пьяницы, но забыли о дѣтяхъ—идіоткахъ. Мало того, дѣти дѣлали даже свои сужденія о пьянствѣ. Такъ на примѣръ, развѣ мало смысла въ словахъ: „Какъ страшно, батюшка!... ребяташки у пьяницъ съ горбами, кривобокія“..... „Иванъ Петровичъ (герой разказа) какой былъ богатый, а сталъ нищимъ.... человѣка убилъ, самъ попалъ въ тюрьму, а все отъ вина!“.. Приведенныя выраженія говорятъ о весьма многомъ. Дѣти очевидно, не только видѣли на полотнѣ тѣ или другія картины, но и много перечувствовали за всѣ три чтенія. Нужно было видѣть у полотна всю ту дѣт-

вору, которая, расположившись на полу, взирала на отчетливыя картины, чтобы судить безошибочно о ихъ душевномъ состояніи. Первая картина опьяненія Ив. Петровича вызываетъ у дѣтей смѣхъ, но картина буйства, плачь несчастной жены, безпомощность дѣтишекъ, нападеніе обезумѣвшаго Ив. Петровича съ ножомъ на бывшего своего хозяина и т. д. повергаютъ юныхъ слушателей въ неподдѣльный трепетъ. О равнодушномъ отношеніи дѣтей къ данному серьезному чтенію и рѣчи быть не можетъ. Многое и очень многое запало изъ данныхъ чтеній въ дѣтскія сердца.

Вотъ запись учениковъ перваго отдѣленія втораго класса по поводу предложеннаго чтенія. М. Старостинъ пишетъ: „На первомъ чтеніи о пьянствѣ я не былъ, о чемъ весьма жалѣю. Сегодня читали о вредѣ пьянства. Я теперь узналъ, что вино пить бесполезно. У пьяницъ болитъ сердце, печень, желудокъ. Сердце покрывается жиромъ, кровь начинаетъ вращаться тихо и человѣкъ умираетъ. Печень отъ сильнаго пьянства дѣлается маленькой и совсѣмъ не похожей на печень здороваго человѣка. Желудокъ покрывается большими, красными пятнами и сильно увеличивается. Пьяницы не живутъ долго на свѣтѣ“. Какъ видно, мальчикъ довольно обстоятельно записалъ слышанное. Но этого мало, онъ записываетъ и нѣкоторыя подробности, которыя свидѣлствуютъ о значительной вдумчивости автора. Ив. Ремизовъ пишетъ: „На чтеніяхъ о пьянствѣ намъ показывали сердце здороваго человѣка и пьяницы. Сердце пьяницы страшное, большое. Ранѣе я этого не зналъ и думалъ, что вино пить нѣтъ никакого вреда. Теперь я знаю, что вино пить не слѣдуетъ. У родителей пьяницъ дѣти

родятся уродами, горбатыми, нѣмыми“.

— „Я не стану пить вино, отъ него бываетъ большой вредъ. Я сначала не зналъ объ этомъ, а вчера все узналъ, когда видѣлъ страшныя картины“, пишетъ Матюхинъ П. „Я до сего времени не зналъ, что вино для человѣка вредно. Я о вредѣ пьянства раньше ничего не слышалъ. Но теперь я все узналъ и не желаю пить вино. Вино приноситъ вредъ сердцу, печени и желудку человѣка. Пьяницы скоро умираютъ, а дѣти у нихъ рождаются глупыми. Не буду пить вино!“—записалъ Меркуловъ Ив.

— „Когда читали о пьяномъ человѣкѣ и дошли до того мѣста, гдѣ было сказано, что у пьянаго человѣка все портится и желудокъ, и печень и сердце, то я думалъ, что не буду пить вино“, отвѣтилъ Ив. Мартиновъ.— „Вчера только я узналъ, что хорошій, трезвый человѣкъ тогда умираетъ, когда Самъ Богъ захочетъ отнять у него жизнь, а пьяница—когда пьянъ бываетъ, гдѣ-нибудь у берега рѣки, въ сыромъ мѣстѣ, на холоду. Вино приноситъ не пользу человѣку, а вредъ. Послѣ чтеній о пьянствѣ такой страхъ напалъ на меня, что я рѣшилъ не пить вина“, трактуетъ Б. Стегнинъ и т. д.

Ученики младшаго отдѣленія второго класса—мальчики сравнительно небольшіе, а замѣтили на чтеніяхъ о пьянствѣ, какъ видно, очень и очень многое.

А вотъ и замѣтки учениковъ старшаго отдѣленія. „У человѣка пьяницы сердце покрывается толстымъ слоемъ жира, вся внутренность измѣняется къ худшему. Человѣкъ—пьяница сначала дѣлается больнымъ, а потомъ скоро умираетъ. Какъ я вчера узналъ, нѣкоторые пьяницы умирали при 5⁰ мороза. Сначала я думалъ, что отъ вина человѣку есть польза, что вино согрѣваетъ, но теперь выяснилось, что

отъ вина только одинъ вредъ. Дѣти у пьяницъ рождаются съ различными болѣзнями. Вчера на картинахъ я видѣлъ мальчиковъ, которые похожи на дикарей, ихъ называютъ идиотами, т. е. глупыми, я пить вино не буду“, записалъ Д. Шурыгинъ.— „Послѣ чтеній о пьянствѣ я задумался надъ вопросомъ: когда я буду большой, что пить мнѣ вино или нѣтъ? Подумавъ о больныхъ внутренностяхъ пьяницъ, я рѣшилъ вино не пить“, пишетъ А. Вѣляевъ.— „Пьянство есть великій грѣхъ, оно сокращаетъ жизнь человѣка. Прежде я даже не помышлялъ о томъ, что вино доводитъ человѣка до крайней степени паденія и дѣлаетъ самого сильнаго тѣломъ совершенно больнымъ. Выслушавъ чтенія о пьянствѣ, я рѣшилъ не пить вино“, пишетъ М. Чибирикннъ.

2-го февраля въ нашей Малинковской школѣ было чтеніе о пьянствѣ. Я слышалъ, что пьянство есть самое противное дѣло и вредное для нашей жизни. Пьяницы сами сокращаютъ свою жизнь. Слушалъ я чтеніе съ большимъ вниманіемъ. Прежде я ничего не зналъ и мало слышалъ о вредѣ пьянства. Чтенія съ картинami убѣдили меня, что вино—ядъ. Я не буду пить вино“, пишетъ Ив. Кузнецовъ. „Второе чтеніе еще болѣе подѣйствовало на меня, я лучше него усвоилъ, потому что я сегодня самъ вѣлъ это чтеніе, поучалъ своихъ крестьянъ. При видѣ почекъ пьяницы и почекъ здороваго человѣка, я сильно былъ смущенъ. Читая дальше, я съ трудомъ выговаривалъ, перевиралъ слова. Во все время чтенія я былъ погруженъ въ сильную думу. Наши всѣ семейные пьютъ вино. Приближается масляница, боюсь, какъ бы не произошло въ нашемъ домѣ смуты какой. Особенно сильно подѣйствовала на меня кар-

тина горбатенькаго мальчика съ глупымъ лицомъ, онъ сынъ пьяницы“, пишетъ Гр. Старостинъ.— „Я равнѣ читалъ книги о вредѣ пьянства, но не понималъ вреда отъ вина. Я знаю одно семейство, въ которомъ мужъ пьяница. У него родился сынъ съ необыкновенно большой головой, узкой грудью, кривыми ногами. Мальчикъ жилъ только 3½ года, но былъ необыкновенно тяжелъ. Равнѣ я не понималъ и никто въ нашемъ селѣ не могъ объяснить, гдѣ кроется причина уродливости того малютки. И вотъ только на чтеніяхъ о пьянствѣ все это раскрылось. Поѣду на родину, постараюсь своимъ односельчанамъ кое-что сообщить о пьянствѣ“, пишетъ Андрей Акишинъ.

Нѣтъ необходимости говорить много

о вышеприведенныхъ научныхъ записяхъ по поводу чтеній о пьянствѣ. Дѣти сами за себя, на нашъ взглядъ, достаточно сказали. На одно только обстоятельство необходимо обратить вниманіе. Наши народныя школы, особенно школы, въ которыхъ ведутся чтенія съ тѣневыми картинами, очень и очень много могутъ принести пользы въ борьбѣ съ пьянствомъ. Имѣя брошюры съ подходящими картинами о пьянствѣ, нужно читать и разъяснять о вредѣ пьянства, какъ можно чаще. Дѣло необходимо поставить такъ, чтобы всѣ, взрослые и малыя, ясно представляли, что происходитъ въ организмѣ человѣка отъ каждой рюмки алкоголя.

Свящ. *Іоаннъ Молебовъ*.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Ребятишки виноваты.

(Изъ школьной жизни).

Максимъ, поди-ка сюда — крикнулъ Алексѣй Григорьевичъ. За бревенчатой стѣной, отдѣляющей классную комнату отъ комнаты учителя, послышалось кряхтѣнье и скрипъ распатаннаго ложа сторожа Максима. Это было въ школѣ, состоявшей изъ небольшого квадратнаго сруба съ придѣланнымъ къ нему трехстѣнкомъ, въ которомъ жилъ учитель. Черезъ минуту въ маленькую дверку учительской каморки ввалилась большая фигура здороваго мужика. Онъ былъ босъ, въ синей рубахѣ и штанахъ. Голова и сѣдѣющая борода его всклокочены, лицо помято отъ долгаго усилія какъ можно удобнѣе на своей

постели, устроенной изъ классныхъ скамеекъ, примоститься къ горячей печи въ классѣ и заснуть на всѣ двѣнадцать часовъ, вплоть до того времени, какъ ребятишки будутъ собираться въ школу. Войдя, онъ остановился, одной рукой почесывая поясницу, а другой протирая глаза, шурящиеся отъ неприятно рѣжущаго свѣта тридцати копеечной керасиновой лампочки, горѣвшей на столѣ предъ Алексѣемъ Григоричемъ. Алексѣй Григоричъ поднялъ свои впалые глаза на вошедшаго и улынулся горькою улыбкой.

Максимъ, поставь самоваръ! — проговорилъ онъ и вновь опустил глаза на лежавшую предъ нимъ кни-

гу. Но ему больше не читалось. За перегородкою въ кухонкѣ поднялся шумъ и стукъ падающихъ вещей изъ чужихъ рукъ Максима, и за каждымъ грохотомъ слышалось: — ахъ, ты!... Алексѣй Григоричъ, облокотившись на столъ, положилъ голову на руки и закрылъ глаза. Ему вспомнилась недавняя ревизія отца уѣзднаго наблюдателя, ради объѣзда школы вынужденнаго на время бросить свой приходъ и по грязи и холоду скакать изъ школы въ школу и подгонять безъ разбору всѣхъ къ усиленной работѣ. Онъ посидѣлъ на занятіяхъ, сдѣлалъ ученикамъ нѣсколько ученыхъ вопросовъ и, приказавъ обратить больше вниманія на нѣкоторые предметы, уѣхалъ, не подѣлившись ни мыслями, ни знаніями, ни какими-нибудь новостями. Даже не посидѣлъ... А было бы такъ пріятно побесѣдовать съ человѣкомъ, живущимъ въ культурномъ центрѣ уѣзда, и хоть временно чувствовать свою связь съ нимъ... Здѣсь въ глуши огонекъ духовной жизни, тлѣющій въ душѣ, самъ собою мало-по-малу гаснетъ и глохнетъ, и время отъ времени требуется обновлять его, требуется подливать къ его свѣтильнѣ масла отъ мыслей и духовной жизни другихъ людей. А онъ ни слова, ни маленькаго намека на вниманіе къ человѣку, заброшенному въ глушь деревни, какъ будто оба они — и наблюдатель и учитель, были не люди, а бездушныя машины. Вотъ и теперь — такъ хочется посмотрѣть людей, поговорить съ ними, послушать ихъ, а ты сиди въ этихъ стѣнахъ одинъ, ни шагу дальше, — думалъ Алексѣй Григоричъ.

Хорошо говорить — сойдишь съ крестьянами, посѣщай ихъ семьи, живи ихъ интересами, „сѣй разумное, доб-

рое, вѣчное“. — Это легко — говорятъ только тѣ, кто думаетъ, что крестьяне — неподвижная земля, поле, всегда готовое принять брошенное сѣмя, и не имѣютъ они ни желаній, ни чувствъ, ни заботъ. Пришелъ, посыпалъ въ нихъ, что попало подъ руку, и пошелъ, а тамъ ужъ придетъ время, брошенное въ нихъ взойдетъ и принесетъ плодъ. Или, вѣрнѣе, эти люди вовсе ничего не думаютъ о народѣ. Они забываютъ, что на этомъ полѣ есть камни, которые не принимаютъ сѣмянъ, что на немъ растутъ и терніи, которыя заглушаютъ взошедшее. А ты все сѣи и сѣи... Но, вѣдь, это сѣянiе въ семьяхъ крестьянъ возможно для людей незанятыхъ, не устающихъ отъ дневной работы, а тутъ, послѣ дневного сѣянiя въ души малолѣтнихъ, въ пропитанныхъ вонью стѣнахъ и пыли, становишься неспособнымъ разсуждать со взрослыми о чемъ бы то ни было. Хочется отдышаться, овѣжить голову, въ которой мысли тускнѣютъ отъ этого людского пара такъ же, какъ и внесенное въ него стекло. Хочется самому послушать людей. А крестьянскія семьи? Развѣ онѣ всегда съ готовностью могутъ встрѣтить пришедшаго къ нимъ побесѣдовать? Онѣ тоже не всегда располагаютъ досугомъ. Приди.....

— Алексѣй Григоричъ, самоваръ скипѣлъ, — возгласилъ Максимъ.

— Ну, подавай!

Максимъ, стуча пятками и неуклюже разставляя босыя ноги, чтобы не облить ихъ варомъ, поставилъ на столъ кипящій самоваръ. Потомъ на столѣ, покрытомъ бѣдной пеньковой скатертью, появилась чайная посуда: три дешевенькихъ чашки, ихъ Максимъ взялъ, какъ онѣ стояли въ пріютившемся у стѣны въ углу маленькомъ ящичкѣ съ дверками, именуе-

момъ шкафѣ,—чайное блюдо съ нѣсколькими кусками сахара и маленький бѣлый чайникъ. Наконецъ Максимъ извлекъ изъ этого же шкафа початую восьмушку чая и нѣсколько засохшихъ кренделей, связанныхъ на мочалкѣ, и все это помѣстилъ на столѣ, любясь на такую роскошь учителя.

— А хорошо теперь попить чайку—думаетъ Максимъ.

— Пошьемъ,—говоритъ онъ себѣ, и чтобы не пить чай послѣ, когда напьется учитель, завелъ разговоръ, остановившись у стола.

— Алексѣй Григоричъ, какъ же намъ быть съ окнами-то? Вѣдь, давеча, какъ пошелъ дождь съ этой-то стороны, такъ опять и полило съ косяковъ-то. Вонъ смотрите и у васъ—то тутъ пролило, а въ классѣ-то страхъ какъ. А теперь того и жди морозы пойдутъ, у насъ тамъ мерзнуть будетъ.

— Что же дѣлать! Вѣдь ты, кажется, сказывалъ объ этомъ батюшкѣ?

— Сказывалъ. Онъ говоритъ, надо плотниковъ нанимать, а вотъ все нѣтъ.

Они оба замолчали. Алексѣю Григоричу не хотѣлось говорить объ этомъ и оторваться отъ вереницы текущихъ въ немъ мыслей, а Максимъ соображалъ, что еще сказать учителю.

— Я вотъ что думаю, Алексѣй Григоричъ: взять досокъ да снаружи и прибить ихъ надъ окнами, вродѣ будто крыши. Право! Это я и самъ сдѣлаю.

— А доски-то гдѣ?

— У батюшки надо спросить!

У Алексѣя Григорича вниманіе остановилось на состояніи зданія квартиры и вообще школы.

— Такъ спроси и припей. А теперь валий-ка чайку!

— Это я безпрѣмѣнно устрою,—то-

ропливо заговорилъ Максимъ, усаживаясь наливать чай. — И мокроты не будетъ, и выдувать-то меньше будетъ, а то пожалуй тамъ, въ классѣ то, скоро и спать нельзя будетъ. Теперь вонъ стало захлаживать, смотри морозъ будетъ.

— Да, Максимъ, плохо у насъ. Надо бы хорошенько поправить училище, а то жить нельзя. Мужики лучше живутъ въ своихъ избахъ, у нихъ хоть тепло. Въ головѣ Алексѣя Григорича мелькнула теплая, уютная крестьянская изба, оживленная присутствіемъ людей и домашняго скарба.

— Что бы батюшкѣ не заняться устройствомъ школы? — продолжалъ онъ. — Вмѣстѣ съ постройкой своего дома занялся бы и школой. Ему бы честь была. Онъ забылъ то время, когда и онъ былъ учителемъ.

— Что ему?—вступился Максимъ. — Поди-ка, уговори мѣръ! Они видятъ снаружи—стоитъ домъ и ладно.

— Домъ-то, домъ...

— Они говорятъ: дай-ка намъ кому эту хоромину, такъ нажился бы и Бога благодарилъ, только что стоитъ то наюру—ни кола, ни двора.

— Такъ-то, такъ! Это вѣрно, но, вѣдь, мужичекъ мало въ избѣ-то живетъ, все на работѣ. И самая жизнь-то его, всѣ условія жизни его таковы, что ему приходится довольствоваться кое-чѣмъ. Онъ ужъ привыкъ къ плохой домашней обстановкѣ. А училище надо бы лучше обстроить, здѣсь живутъ люди, которые все время проводятъ въ стѣнахъ. А то вотъ и полюбуйся почернѣвшими, голыми стѣнами, развалившимися окнами и всей этой пустотой. Все это только тоску наводитъ.

— Кто же тебѣ не велитъ, возьми и устрой по барски. Да мнѣ этого дѣлать-то нельзя. Ну,

заведи столы, стулья и прочее, а вдруг распоряженіе—ступай отсюда, — ты и вози все это? А денегъ гдѣ взять? На жалованье можно только кормиться, да и то не лучше того, какъ мы съ тобой кормимся. А такъ-то и нищие-то не живутъ. Кругомъ плохо! Хотъ бы стѣны привѣтливѣй смотрѣли и утѣшали душу, я вотъ про что говорю. Вѣдь, съ ума можно сойти отъ этой черной, тоскливой жизни!

— Вамъ-то правда—тоска. Все одинъ да одинъ. Ученье кончится—пойти бы куда, а ты все дома, да дома. Пойти бы надо куда, все на людяхъ-то развлечение. Спасибо за чай, Алексѣй Григоричъ, хорошо какъ напился. Теперь пойду на свое мѣсто къ печкѣ, а самоваръ-то убрать крикните. Максимъ всталъ и направился въ ту же дверку, въ которую и вошелъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что же я такъ живу,—думалъ Алексѣй Григоричъ. Вотъ ужъ сколько лѣтъ я учительствую... Вся моя юность прошла безъ развлеченій, однообразно, уныло, среди несмысленныхъ малыхъ ребятъ, въ постоянномъ занятіи только съ ними, съ заботами только о нихъ, объ ихъ занятіяхъ и развитіи. Духовная жизнь моя ежедневно прикована къ этой скалѣ, составленной изъ груды маленькихъ ребятъ. Вѣчно, изо дня въ день, учи ихъ, выкладывай имъ, что ты знаешь, а старайся сказать имъ такъ, чтобы было доступно ихъ понятію, чтобы они могли усвоить сказанное тобою. Такъ мало по малу все ниже и ниже становится уровень знаній. Ну, что я теперь въ сравненіи съ тѣмъ, когда я вышелъ изъ училища? Стыдно становится разинуть ротъ при людяхъ — и обидно видѣть, какъ морщатся интеллигентные люди отъ твоей рѣчи, какое презрѣніе сквозитъ въ ихъ обращеніи

съ тобою за твою простую рѣчь. А виноватъ ли я, что у меня нѣтъ интеллигентнаго общества, что мнѣ приходится имѣть общеніе только съ темной народной массой? Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься.

Вдругъ ему вспомнился разговоръ съ становымъ въ домѣ законоучителя. Какъ молоткомъ застучала въ головѣ и сердцѣ брошенная тогда становымъ фраза о бѣдныхъ учителяхъ.

— Всѣ сельскіе учителя отличаются убожествомъ мысли, а особенно прослужившіе на этой должности много лѣтъ..

Краска стыда и негодованія разлилась по лицу Алексѣя Григорича. Ему стыдно было и за себя и за своихъ сотоварищей по труду, обреченныхъ судьбою на жалкое существованіе въ селѣ, и досада брала на станового, сказавшаго эту фразу. Эта фраза и теперь заставляетъ сжиматься сердце: такъ она обидна и такъ справедлива. Дѣйствительно, самъ чувствуешь, какъ далеко отстаешь отъ людей, имѣющихъ какое-нибудь общеніе съ центрами умственной жизни. Да... Мысли суживаются на одной специальности, а о всемъ постороннемъ находишься въ блаженномъ невѣдѣніи. Кажется, за концомъ села находится невѣдомый міръ, куда не можетъ проникнуть даже мысль. Что тамъ дѣлается, какъ живутъ тамъ люди, о чемъ они думаютъ? Богъ знаетъ! Эхъ, просвѣители народные! Тяжело вамъ работать на этой нивѣ! Безвѣстные, кропотливо и молча дѣлаете вы свое тяжелое дѣло на пользу человѣчества. Да, правъ этотъ Петръ Васильевичъ, добрый старичекъ—учитель, прослужившій въ школѣ тридцать лѣтъ и мечтавшій уйти изъ учителей куда-нибудь только потому, что встрѣтилъ въ жизни своего ученика своимъ начальникомъ.

— Пріѣхаль въ школу инспекторъ съ новымъ директоромъ, — рассказы- валь онъ. — Инспекторъ представилъ меня директору, а я ужъ раньше узналъ, кто онъ такой. Онъ былъ сынъ помѣщика изъ ближайшей усадьбы. Я хорошо помню, какъ онъ учился у меня, когда я только что поступилъ въ эту школу. Потомъ онъ учился въ гимназій, въ университетѣ, гдѣ то служилъ инспекторомъ и наконецъ по- палъ директоромъ въ свою губернію. Сердце мое было наполнено радостью и гордостью при видѣ моего ученика въ такомъ чинѣ.

— Давно вы служите? — спросилъ онъ.

— Тридцать лѣтъ, — отвѣчаю.

— Еще въ какихъ школахъ были учителемъ?

— Въ эту школу въ первую посту- пилъ и все время работаю въ ней.

— Давно!

И не вспомнилъ, что онъ началъ учиться здѣсь.

Ревизія кончилась. Я предложилъ имъ выпить по стакану чаю.

— Ради давнишняго нашего зна- комства не откажитесь выпить у меня стаканъ чаю, — обратился я къ дирек- тору.

— Когда мы съ вами знакомились? — встревожился онъ.

— Я помню, какъ вы учились еще здѣсь у меня въ школѣ.

— Э! Батенька мой, мало ли что вы помните! Это надо помнить про себя! — внушительно сказалъ онъ и уѣхалъ съ инспекторомъ къ себѣ въ усадьбу.

Ему стыдно было признать меня своимъ первымъ учителемъ. Какъ можно! Онъ теперь смотреть на меня съ вы- соты своего величія, покровительствен- но, какъ на ничтожество, на меня, кто первый старался пробудить его мышленіе. Вотъ вамъ: мой ученикъ

въ высококомъ положеніи, въ чинахъ, богатъ, а я все тотъ же, что и былъ... Уйду, уйду! — И онъ скоро ушелъ, но только въ могилу.

Скверно чувствовалъ себя Алексѣй Григоричъ послѣ этихъ размышленій. Какъ громадная стѣна передъ самымъ лицомъ, передъ нимъ вдругъ всталъ вопросъ: ужъ не уйти ли мнѣ къ дру- гимъ занятіямъ?

Мысли его вдругъ остановились. Онъ самъ испугался; какъ это прежде онъ не задавался этимъ вопросомъ?

— Да... Право, хуже то быть не можетъ! — Онъ еще немного подумалъ. — Уйду! — сказалъ онъ себѣ. — Такъ жить нельзя! Долго ли я проживу, дыша тяжелымъ школьнымъ воздухомъ, который разѣдаетъ мою грудь, уносить мое здоровье? Уйду! — рѣшительно по- вторилъ онъ себѣ. И вдругъ, какъ буд- то онъ нашелъ кладъ, онъ повесе- лѣлъ.

— Завтра же уѣду къ своимъ и тамъ чѣмъ-нибудь займусь. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ городѣ найду себѣ занятіе. — И онъ тутъ же рѣ- шилъ послать за лошадью.

— Максимъ! Эй, Максимъ! — снова слышится скрипѣнье и не- уклюжая фигура Максима появляется въ двери.

— Максимъ, сходи-ка сейчасъ къ Голодухинымъ, не поѣдутъ ли они завтра утромъ со мной въ городъ?

— Это вы далеко; пожалуй не по- ѣдутъ по нонѣшней дорогѣ: дороги- то вовсе нѣтъ.

— Ну тогда сходи къ Неучевымъ, уговори какънибудь. Мнѣ необходимо завтра ѣхать.

— Дороги - то нынѣ плохи, кабы снѣгъ выпалъ.

— Ну, ступай, кого -нибудь найди! Да скорѣй возвращайся!

По уходѣ сторожа, Алексѣй Гри-

горичъ осмотрѣлся кругомъ, вздохнулъ и сталъ укладываться. Не много пожитковъ оказалось у него. Все уложилъ въ чемоданъ и узелъ, еще осталась только постель.

— Вотъ что нажилъ я въ теченіе десяти лѣтъ,—думалъ онъ. Не много! Ну, да я еще успѣю сколотить себѣ на черный день на другомъ дѣлѣ.

— Голодухины ѣдутъ, Алексѣй Григоричъ,—доложилъ Максимъ,—завтра утречкомъ. А на дворѣ то вѣтеръ и снѣгъ идетъ—холодно. На саняхъ поѣдете.

— Всю ночь Алексѣй Григоричъ не могъ заснуть крѣпко. Тозмысли безпокоили его, то холодъ донималъ, и ему приходилось кутаться въ одѣяло. Наконецъ, онъ прикрывся еще тулупомъ и, угрѣвшись, подъ утро заснулъ.

Онъ проснулся, когда ужъ показалось яркое солнышко. Сквозь маленькія пятнышки стеколь, оставшіяся незамерзшими около щелей, въ которыя дулъ холодъ, виднѣлись освѣщенные солнцемъ бѣлыя, пушистыя крыши строеній, столбы бѣлаго дыма изъ трубъ, улица и поля, покрытыя блестящимъ бѣлымъ атласомъ. Весело пробѣжала лошадка, запряженная въ сани. Слышался бойкій крикъ приближающейся толпы ребятишекъ.

Алексѣй Григоричъ, дрожа отъ холода, вошелъ за перегородку въ кухню умыться, но вода въ ведрѣ, стоявшемъ на славкѣ недалеко отъ входной двери, оказалась замерзшею. — Да, на дворѣ должно быть холодно!—сказалъ онъ и велѣлъ сторожу ставить самоваръ.

Пока учитель отогрѣвался горячимъ чаемъ, пріѣхалъ Голодухинъ, а ребята шумною толпою наполнили школу.

Сердце сжалось у Алексѣя Григорича, когда онъ подумалъ, что сей-

часъ надо будетъ проститься съ учениками, проститься съ школою, навсегда проститься съ привычными занятіями учителя. Но надо...

Онъ вышелъ въ классъ. Ученики живо заняли свои мѣста и начали пѣть молитвы. Рѣдко такъ глубоко такъ ясно проникался онъ словами молитвъ, какъ въ этотъ разъ. И по мѣрѣ теченія молитвы сердце его все больше и больше сосала грусть, забиралась жалость къ этимъ истово произносящимъ слова молитвъ многочисленнымъ головкамъ съ осмысленными личиками, серьезно устремленными къ иконѣ. — Милыя, дѣти природы! Вы такъ долго были для меня заботой моей, моей семьей — братьями, сестрами и матерью моею—какъ жаль мнѣ покидать васъ,—думалъ онъ.

Оборвался послѣдній звукъ молитвы, ученики поклонились учителю и сѣли, ожидая его распоряженій. Но Алексѣй Григоричъ стоялъ и молчалъ. Онъ чувствовалъ, что спазмы схватываютъ его горло и глаза туманятся слезою. Ребята смутились и напряженно устремили на него свои взоры.

— Я, ребята, уѣзжаю отъ васъ,—началъ онъ. — Уѣзжаю потому, что мнѣ не хочется быть больше учителемъ. Душевно желаю вамъ успѣховъ въ вашемъ ученіи. Учитесь всему полезному и доброму, все дурное обходите стороной. Трудитесь: въ трудѣ—счастье человѣка. Выростете, вы узнаете на дѣлѣ правду этихъ словъ. Будьте утѣшеніемъ родителей, всѣхъ старайтесь любить. Я горячо желаю, чтобы къ вамъ пріѣхалъ хорошій, добрый учитель, а меня, ребята, простите, и не забывайте въ своихъ молитвахъ.—Голосъ его дрогнулъ.—Я же васъ никогда не забуду!

— А мы то какъ же? Не уѣзжайте!

Алексѣй Григоричъ! — послышалось изъ толпы. — Не уѣзжайте! — поддержа- ли многіе.

— Къ вамъ пріѣдетъ новый учитель и будетъ учить васъ лучше меня!

— Кто къ намъ пріѣдетъ?! Не пріѣдетъ послѣ васъ! Мы къ вамъ при- выкли.

— И я къ вамъ привыкъ, ребятуш- ки! Мнѣ жаль разстаться съ вами. — Голосъ его оборвался и слезы показались на глазахъ.

— Я люблю васъ! — Вся толпа ребятъ залилась слезами и послышалось громкое всхлипываніе.

— И мы любимъ васъ! Оставайтесь съ нами! Лжбимъ.... Оставайтесь.... — зашумѣла вся толпа.

Алексѣй Григоричъ стоялъ ошелом- ленный и плакалъ. Ему жаль было покидать эту милую плачущую толпу. — Неужели я такъ сильно привязался къ нимъ? Да, я не могу чувствовать себя счастливымъ безъ нихъ. Только среди нихъ я могу забывать себя!

свои невзгоды. Здѣсь сердце мое крѣп- ко привязано теплою братскою лю- бовью!

— Алексѣй Григоричъ, учите насъ! Мы будемъ за васъ Богу молиться, — лепетали малыши. — А онъ стоялъ въ нерѣшительно- сти. — Что ждетъ меня тамъ? Неслось у него въ головѣ. Встрѣтитъ ли меня гдѣ-нибудь такая любовь? Найду ли я такое занятіе, какъ это, которое не требуетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣ- стью? Гдѣ же счастье — тамъ или здѣсь? Да, счастье здѣсь „гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ“. — Онъ не ожи- данно для себя уступилъ просьбѣ ре- бятъ.

— Ну, ребятушки, Богъ съ вами, вы побѣдили мое малодушіе! Я не поѣду, останусь съ вами!

И онъ, въ отвѣтъ на любовь и при- вязанность, снова остался пить горь- кую, но часто завидную, чашу учи- тельства.

Н.

П О С Т Ъ В Ы И В С Х О Д Ы .

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXIII.

Мать — учительница и воспитательница. — Печальные плоды ихъ невѣжества и невоспитанно- сти. — Религіозная и нравственная тѣма. — Необходимость большаго просвѣщенія будущихъ крестьянъ — матерей.

Если женщина самою природою при- звана быть лучшею учительницею и воспитательницею дѣтей, то она же должна быть и прежде всего предме- томъ главныхъ заботъ правильного обуче- нія и воспитанія. Только при этомъ усло-

віи природныя способности ея, выполняя достойно свое священное предназначеніе, используютъ себя наилучшимъ и плодотворнѣйшимъ образомъ. Наоборотъ, безъ должной подготовки къ этому, неграмот- ная и невоспитанная сама — мать конечно

не дастъ дитяти того, что ему нужно имѣть, а дастъ только то и такъ, что и какъ сама имѣетъ и умѣетъ. Ея богатые способности къ обученію и воспитанію работаютъ въ этомъ случаѣ совершенно безъ надлежащаго матеріала для работы, и не только безъ замѣтной пользы, но и съ очевиднымъ вредомъ для ребенка. А между тѣмъ, время первоначальнаго развитія дѣтей въ дошкольный періодъ составляетъ едва ли не наиболѣе важную эпоху во всей жизни и тѣмъ больше даетъ для ребенка, тѣмъ развитѣе, просвѣщеннѣе и лучше воспитана въ правилахъ вѣры и нравственности христіанской сама воспитательница-мать. Судите же сами, сколько теряютъ наши дѣти въ нашихъ простонародныхъ семьяхъ, гдѣ мать болѣею частію безграмотная и не получившая никакого правильнаго воспитанія женщина, которая если иногда и знаетъ, чему надо и чему не надо учить ребенка, то болѣе по свойственному ей малоопредѣленному чутью и не всегда разумно-цѣлесообразными способами.

Особенно ужасающею эта печальная истина выступаетъ въ практикѣ нашихъ крестьянскихъ матерей. Что можетъ крестьянка рассказать своему ребенку изъ христіанскаго ученія, чему можетъ его научить?.. Неудивительно, что вмѣсто словъ „иже вездѣ сый“, о чемъ уже говорилось на страницахъ Божіей Нивы, у такихъ дѣтей приходится слышать — *иже вознесый*; вмѣсто „и остави намъ долги“ — *не остави...*; вмѣсто „но избави насъ отъ лукаваго“ — *не избави*; вмѣсто „насъ ради человекъ“ — *нашого ради человека*. Въ молитвѣ Богородицы говорится „Спаса родила еси душъ...“, а невѣжество читаетъ: *Спаса родила ти вси души наши*. И что еще отъ невѣжества? Въ молитвѣ, надписываемой „Похвала Божіей Матери“, произносится страшная хула. Вмѣсто „и пренепорочную“ произносятъ *непренепорочную*, вмѣсто „и

славнѣйшую“ — *безславнѣйшую*, какъ будто бы врагъ христіанства нарочито училъ безчестить Ту, Которую „недоумѣетъ всякъ языкъ благохвалити по достойню“.

Еще поразительнѣе крайняя религіозная неосмысленность и неразвитость въ нашемъ взросломъ простонародѣ, отличающемся на свою же бѣду замѣчательною способностію вносить въ свои суетвѣрія творчество, доходящее до виртуозности.

Однажды кухарка молилась Богу. Нѣкто воспользовался этимъ моментомъ и спросилъ ее: „Дарья! Кому ты молишься?“

— „Богу,“ — былъ отвѣтъ.

— „Какому же Богу?“

— „Вотъ этому.“ — Дарья указала на икону Божіей Матери.

— „А это кто?“ — спрашиваютъ ее, указывая на икону св. Ап. Павла.

— „Знамо кто — Богъ!“ — отвѣчала Дарья.

И всѣ иконы, какія были на божницѣ, оказались у Дарьи богами, каковыми считаетъ иконы и вообще большинство деревенскаго люда.

Не менѣе уродливы понятія у простого народа и о священныхъ событіяхъ. „Лѣтомъ 1903 года“ — рассказываетъ нѣкто В. въ Симб. Еп. Вѣд. (№ 10, 1904 г., „О суетвѣріяхъ и борьбѣ съ ними“) — ко мнѣ пришелъ мужикъ, человекъ религіозный, но въ то же время пьяница. Я началъ говорить ему о вредѣ спиртныхъ напитковъ, о грѣховности пьянства.

— „Вреда то я не вижу“, — возразилъ мнѣ гость, — „а грѣшить то Давидъ не такъ грѣшилъ, да попалъ во святые“.

— „Что же особеннаго сдѣлалъ Давидъ?“ — спросилъ я мужика.

— „Какъ что?.. Отсѣкъ голову Ивану Предтечѣ“.

Меня заинтересовало это, и я попросилъ рассказать, какъ это было дѣло. Мой собесѣдникъ повѣдалъ такую исторію:

— „Одинъ разъ царь Давидъ вышелъ на балхонъ въ своемъ дворцѣ — это въ

Петербургъ-то; вышелъ онъ, стало быть, и видеть—моетъ женщина бѣлье, хорошая женщина! Показалась она царю. Вотъ призываетъ ее Давидъ къ себѣ и говоритъ: „давай со мной жить!“ „Какъ можно, говорить, мнѣ, царь, съ тобой жить! У меня мужъ есть—Иванъ Предтеча.“ „Да што мнѣ больно твоей мужъ? Прикажу,—и ему несутъ прочь голову“. Не знаю, прошло ли время такъ съ полчаса, али нѣтъ,—только приносятъ слуги царя на блюдѣ голову Ивана Предтечи, а подъ ней посланъ капустный листокъ. И съ тѣхъ поръ стала жить царь Давидъ съ женой Ивана Предтечи. Съ тѣхъ же поръ стали поститься въ этотъ день: даже капусту ѣсть грѣшно.“ „Этакъ старые люди говорятъ“— закончили мужикъ.

Въ одномъ селѣ существовалъ обычай (въ нѣкоторыхъ селахъ существуетъ онъ и теперь) въ четвергъ предъ Троицей служить за селомъ молебень, кропить лошадей св. водой и прогонять ихъ „подъ землей“. Прогоняютъ лошадей „подъ землей“ такъ: устраиваютъ изъ дерева арку, обкладываютъ ее дерномъ, подъ аркой копаютъ неглубокую яму и чрезъ яму гонятъ лошадей. Все это дѣлается надъ лошадьми въ предохраненіе ихъ отъ падежа. Смѣсь христіанства съ язычествомъ въ этомъ обычаѣ не нравилась священнику, и онъ началъ убѣждать крестьянъ не прогонять лошадей „подъ землей“. Куда тутъ! Подняли такой шумъ и гвалтъ, — того и гляди побьютъ (это было въ 1902 году). На слѣдующій годъ священникъ началъ говорить о нелѣпости обычая (прогонять поды землей лошадей) вездѣ, гдѣ къ тому представлялся случай: въ церкви, въ домахъ прихожанъ и т. д. Не помогаетъ! Наканунѣ четверга къ священнику опять являются старики и просятъ отслужить молебень. „Слушайте, старички, сказалъ имъ священникъ, зачѣмъ вамъ молебень? Вѣдь вы не вѣрите, что Богъ избавитъ вашихъ лошадей отъ падежа. Въ самомъ дѣлѣ, молимся мы Богу, просимъ

Его избавить насъ отъ бѣды, но помощи Божіей намъ мало,—мы прогоняемъ лошадей еще „поды землей“. Вѣдь это обидно для Бога! Да и вотъ что: въ прошломъ году вы прогоняли лошадей поды землей, а однако же ихъ пало девять. Не пора ли бросить языческій обычай? Сдѣлаемъ лучше такъ: отслужу я вамъ завтра утреню, обѣдню, молебень за селомъ, окроплю лошадей св. водой, но поды условіемъ не прогонять ихъ поды землей, а то и служить не стану. Идите и передайте мужичкамъ, что я сказалъ“. Старики ушли, переговорили со своими односельчанами и согласились на предложеніе батюшки. Такимъ образомъ, благодаря указаніямъ священника на несогласіе обычая съ требованіями христіанской религіи и благодаря его настойчивости суевѣрный обычай былъ оставленъ.

И всѣ эти уродливыя повѣрья и вся нравственная и религіозная тьма въ значительной степени—отъ неразумныхъ бабъ и отъ столь же неразумнаго воспитанія ими своихъ дѣтей. Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы дитя съ самыхъ первыхъ поръ своего умственного и нравственного пробужденія къ сознательно-человѣческой жизни имѣло хотя мало-мальски сознательно-здоровое, разумное и правильное воздѣйствіе на свои пробуждающіяся силы и запросы, если бы имѣло иначе говоря-грамотную, осмысленно-вѣрующую и истинно-благочестивую мать. Отсюда слѣдуетъ само собою, что открытіе специально-женскихъ школъ едва ли не болѣе существенно и необходимо, какъ и мужскихъ. „Грамотность и хотя малое развитіе — справедливо говорить сотрудникъ Саратов. Еп. Вѣд.—могло бы поднять ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ ихъ мужей, вывести ихъ изъ рабства и указать имъ ихъ высокое святое призваніе; а Церковь Православная сколько обрѣла-бы самыхъ лучшихъ труженицъ въ вертоградѣ Господнемъ! Между тѣмъ, нынѣ *всѣ* *гло-*

почуть объ открытіи школъ въ крестьянскихъ и открываютъ большею частію мужскія, а женскихъ до сихъ поръ весьма мало открыто. Конечно, полезны и мужскія школы, но собственно для подъема духа христіанскаго, для религіозно-нравственнаго воспитанія малолѣтнихъ дѣтей нужны школы женскія. Отець семейства часто въ отлучкѣ, а мать всегда при дѣтяхъ и не можетъ отецъ имѣть такой мягкости и сердечности, какъ мать, уча дѣтей Божественнымъ истинамъ. Если взять во вниманіе, что „чесому тонкое дѣтство обучено бываетъ, того дряхлая старость неудобъ оставляетъ, ибо учащеніемъ дѣла обычай воспріятый и многимъ временемъ нравъ утвердился естества иматъ силу“ (предисловіе въ часословѣ): то всякій пойметъ, насколько необходимы въ крестьянскомъ быту женскія школы. Тотъ только можетъ отвергать ихъ необходимость, кто не дорожить религіознымъ, духовнымъ просвѣщеніемъ русскихъ крестьянъ. Но кому это дѣло ближе, какъ не пастырямъ Церкви? Какія прекрасныя помощницы были бы имъ въ религіозно-нравственномъ воздѣйствіи на прихожанъ грамотныя крестьянки—матери!

Конечно, трудно созиданіе школъ, особенно женскихъ. Крестьяне, пожалуй, и земли не дадутъ подъ женскую школу, ибо они не досрели до понятія необходи-

мости женской школы, потому и не досрели, что живутъ слѣпою вѣрою. Но какъ ни трудно, а нужно стараться объ открытіи оныхъ. Сначала можно хоть въ церковной сторожкѣ заняться съ дѣвочками и въ то же время собирать деньги, лѣсъ и все, что нужно для постройки зданія, и не переставать увѣщевать прихожанъ объ этомъ важномъ женскомъ дѣлѣ.

Церковно-приходскія школы только и строить бы женскія въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ, а мужскія пусть-бы строило земство, такъ какъ оно имѣетъ цѣль бытовую, хозяйственную. Если же Церковь не поможетъ крестьянкѣ выбраться на свѣтъ Божій, то кто ей поможетъ, когда самъ крестьянинъ противъ этого, боясь, чтобы „жинка не была разумниша чоловика“? Царь освободилъ крестьянина изъ-подъ власти помѣщика, а Церковь должна освободить жену-крестьянку изъ-подъ кулака мужа: женская школа много можетъ въ этомъ способствовать; недаромъ мужикъ недолюбливаетъ женской школы: она убьетъ его тираннію. (Екатер. Еп. Вѣд., № 19).

Но за то—сколько она убьетъ и невѣжества, сколько прогонитъ тьмы и мрака, окутывающихъ самую колыбель Русскаго генія и мѣшающихъ этому генію развернуть всѣ свои непочатыя неисчерпаемыя силы.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Золотая пчелка. Сборникъ статей и стихотвореній для школьнаго и народнаго чтенія. Составилъ учитель С. А. Козубовскій. Немировъ. 1904 г. 1—32 стр. (большой форматъ). Ц. 10 к.

Аккуратно изданная книжка, заглавіе которой выписано нами, представляетъ изъ себя небольшой сборничекъ, включающій пять рассказовъ, одно „стихотвореніе“ въ прозѣ и три стихотворенія, изъ коихъ одно написано на малоросійскомъ языкѣ.

Не задаваясь, при изданіи своего сборника, какими-либо спеціальными задачами и не придавая ему никакого особаго назначенія, авторъ его—учитель далъ въ немъ нѣсколько простыхъ и назидательныхъ рассказовъ, въ которыхъ въ часы досуга вы-

лились его завѣтныя думы. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ и отмѣчаемъ названный „сборникъ“, какъ плодъ думъ, навѣянныхъ знаніемъ темныхъ сторонъ жизни простого народа и жаждою влить въ эту среду хоть каплю свѣта. Таковымъ именно характеромъ и отличаются всѣ рассказы и были, помѣщенные въ „сборникъ“ С. А. Козубовскаго и отчасти напечатанные, когда-то, въ журналѣ „Божія Нива“. Такъ, въ рассказѣ „Остапъ“ выводится человекъ, „повернувшій на бѣсовскую дорожку“ и попавшій потомъ въ число арестантовъ, благодаря тому, что мать Остапа мало учила его правдѣ жизни и не приохочивала къ единственной просвѣтительницѣ деревни—къ школѣ. Въ другой повѣсти-были „Знахарка“ авторъ рассказываетъ о горюющей солдаткѣ „Горпынѣ“, которая, стосковавшись по своему мужу—солдату, идетъ къ знахаркѣ съ просьбой возвратитъ ей посредствомъ волшебства мужа. Знахарка соглашается, но все дѣло оканчивается тѣмъ, что она только обираетъ солдатку. Такъ темна еще, такъ непросвѣщена свѣтомъ знанія наша родина—читаешь естественный выводъ изъ этого рассказа. Въ рассказѣ „На Божьемъ пути“ авторъ вмѣстѣ съ учителемъ—героемъ рассказа горюетъ надъ нищетою и убожествомъ поселянъ, а во снѣ ему рисуется заманчивая картина возможной дѣйствительности, когда около пятиглаваго храма будетъ висѣться большая школа съ питомникомъ, огородомъ, пчельникомъ, показательнымъ полемъ, и когда эта школа прихотитъ поселянъ къ храму Божію, къ церковному пѣнію, къ труду и разумному хозяйству, когда честный труженикъ народолюбецъ—священникъ и народный печальникъ—учитель умѣло поведутъ за собой поселянъ къ истинѣ, къ свѣту, къ разумному знанію... И вотъ учитель подъ влияніемъ этихъ „счастливыхъ грезъ“ еще сильнѣе привязывается къ своему дѣлу, еще рѣшительнѣе отдается ему. „Рѣшно унывать“, рѣшаетъ онъ, „дерево не является вдругъ, оно постепенно вырастаетъ изъ зернышка. Но для дерева нужны годы, а для нашего

общенароднаго дѣла—дѣлья столѣтія. Мы—на Божьемъ пути. Въ нѣдрахъ народнаго духа таятся неистощимый запасъ глубочайшей вѣры, любви, жажды богатырскаго труда, крѣпости и терпѣнія. Этотъ цуль узокъ и тернистъ, но онъ единственный, который не ведетъ къ гибели“... Эту же мысль о необходимости съ самоотверженіемъ приохочивать поселянъ къ труду и ко всему доброму и полезному авторъ проводитъ и въ своемъ рассказѣ „Вернулся“, гдѣ выводится одинъ примѣрный, трудолюбивый, поселянинъ, полюбившій „здоровый“, добрый трудъ на свѣжемъ просторѣ полей среди таинственныхъ голосовъ Божьего міра, въ бездонномъ морѣ красокъ, свѣта и безконечныхъ чистыхъ ощущеній! Въ заключеніе этого рассказа авторъ убѣжденно говоритъ: „глядя въ окна на залитыя луннымъ свѣтомъ улицы, на уснувшіе въ сумракѣ ночи вишневые садики, на темные купы вербъ у пруда, на бездонное ночное небо, полное блеска, таинственности, величія,—я глубоко вѣрилъ въ возможность всесторонняго возрожденія деревни,—и оно ужъ не казалось мнѣ, какъ прежде, далекимъ и трудно осуществимымъ!“ Въ своемъ пятомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднемъ рассказѣ „Два крестьянина“ авторъ выводитъ двухъ крестьянъ—истиннаго друга своихъ односельчанъ—Тихона и внутренняго врага деревни—гуляку Мильена (Емельяна). Таково, въ общемъ, содержаніе рассказиковъ небольшого сборничка С. А. Козубовскаго. Что касается небольшихъ стихотвореній, то они не имѣютъ особаго значенія въ разсматриваемомъ сборникѣ, кромѣ одного, (въ прозѣ), гдѣ говорится о „страшномъ врагѣ“ поселянъ—пьянствѣ.

Написанные живымъ и простымъ языкомъ, рассказы „сборника“ даютъ назидательное чтеніе, полезное для школы и народной читальни и въ этомъ отношеніи „сборникъ“ можетъ быть вполне пригодною книжицею для недорогой школьной бібліотеки и народной читальни.

Д. Введенскій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Августъ 1904.

Когда присмотришься къ нѣкоторымъ уродливымъ явленіямъ современной русской, да и не русской только, жизни, то невольно задумаешься: да что въ самомъ дѣлѣ лучше: дикое ли состояніе какихъ-нибудь папуасовъ, или современная такъ называемая „культурная“, но безбожная семья? У дикарей по крайней мѣрѣ все безпощадно логично, прямолинейно, а тутъ— видишь иной разъ такіа уродства духовныя, что только руками разводись...

Послушайте напримѣръ, что пишутъ въ газетахъ: „Въ Якобштатѣ произошелъ слѣдующій трагическій случай. Въ одномъ семействѣ праздновали день рожденія 12-лѣтней дочери. На это семейное торжество явились также двое дѣтей (непонятно: изъ той же ли семьи, гдѣ было „торжество“, или— гости)—братъ и сестра. Дѣтямъ роздали пирожное, котораго братъ получилъ менѣе, чѣмъ сестра. Мальчикъ обидѣлся и со слезами на глазахъ немедленно ушелъ изъ комнаты. Спустя нѣкоторое время обидчиваго десятилѣтняго мальчугана нашли въ сосѣдней комнатѣ повѣсившимся“... („Нов. Вр.“ № 10126).

Мальчикъ—папуасъ этого, конечно, не сдѣлалъ бы. Онъ можетъ быть по своему разсчитался бы съ сестренкой, если не съ тѣмъ, кто дѣлилъ пирожное. И „трагическаго“ случая не вышло бы: вышелъ бы случай только комическій. А вотъ въ „культурной“ семьѣ получилась трагедія... Какъ же тутъ не задуматься? Стоить ли послѣ этого „культуривать“ людей? Другими словами: чего же стоитъ такое воспитаніе?

Намъ скажутъ: это случай совершенно исключительный; это случается въ десять лѣтъ разъ на всемъ пространствѣ Русскаго государства.

Еще бы ждать частаго проявленія такихъ „случаевъ“, чтобы обратиться на нихъ строгое вниманіе! Да и такъ ли ужъ исключителенъ этотъ „случай“ проявленія болѣзненнаго дѣтскаго самолюбія, какъ это кажется на первый взглядъ? А развѣ вы не читали въ тѣхъ же газетахъ, какъ гимназисты, получивъ двойку или единицу на экзаменѣ, прибѣгали къ револьверу или бросались въ омутъ? Развѣ не слыхали, какъ юноша, растративъ деньги, данныя

отцомъ для уплаты въ семинарское общежитіе, покончилъ жизнь самоубійствомъ? Да вотъ вамъ, если хотите, и еще недавній печальный случай подобнаго рода и даже еще болѣе выразительный, имѣвшій мѣсто въ Рыбинскѣ. 19-лѣтній юноша А., сынъ квасовара, возымѣлъ на дняхъ непреодолимое желаніе посѣтить театръ, гдѣ нѣкій Кржеминскій показывалъ публикѣ „американскій бюскопъ“. Но чтобы лицезрѣть синемаатографическія картины г. Кржеминскаго, молодому человѣку надо было получить родительское разрѣшеніе, а вдобавокъ къ нему и нѣсколько монетъ. Просьба объ этомъ повторилась въ теченіи трехъ дней, но родители юноши все же не отпустили его въ театръ даже 21-го іюля, т. е. на третій вечеръ. Тогда огорченный отказомъ юноша удалился въ спальню, гдѣ вскорѣ послѣ того раздался выстрѣлъ изъ револьвера. Это было въ 8 часовъ вечера 21-го іюля, а въ 6 часовъ утра 23-го іюля А. скончался въ земской больницѣ. Несчастный юноша прострѣлилъ себя правой високъ. Отецъ и мать покойнаго въ неутѣшномъ горѣво (Русск. Слово, 29-го іюля, № 209). Каково мщеніе, и кому же?—своимъ собственнымъ родителямъ! Развѣ ужъ такъ рѣдки случаи подобнаго рода?

Кто самъ учился—пусть припомнитъ: что было главнымъ движущимъ рычагомъ въ его духовномъ развитіи? Не то же ли самолюбіе, не тѣ же ли „пятерки“, „похвальные доски и листы“, „аттестаты“ на первый разрядъ и т. п.? Много ли юношей трудится безкорытно, любя именно науку, не обращая вниманія на эти „баллы“? Да и какъ на нихъ не обращать вниманія, когда вся система воспитанія на нихъ-то и построена, когда это — краеугольные камни современнаго воспитанія, когда дипломы и всякаго рода подобныя ярлыки только и сильны отворить двери и въ высшія школы, и въ разныя канцеляріи и на служебныя мѣста?..

И вотъ, желающіе безъ сомнѣнія добра своимъ дѣткамъ родители съ того и начинаютъ ихъ воспитаніе, что будятъ въ нихъ самолюбіе: благо посредствомъ его можно будетъ заставить ихъ и учиться лучше, и вести себя приличнѣе... Мальчикъ еще только говорить учится, а ужъ ему вну-

пають, что онъ — „соколъ ясный, а его сестренка — только ворона“; что ему по праву принадлежить вездѣ первое мѣсто предъ нею, потому что онъ — „мужчина“, а не дѣвченка“, и что если-бъ кто называлъ его „дѣвченкой“, то это было бы невыносимою обидой для этого „мужчины“. И растутъ этигь карапузики — „мужчина“ въ сознаний своего достоинства, и отъ времени до времени не упускаетъ случая показать сестренкамъ это свое надъ ними превосходство; а родители — то утѣшаются „молодчина“, Юрочка или Петенька: такъ и надо!... Для родителей этотъ „молодчина“ своего рода маленькій божокъ, идолчикъ: имъ не налюбуются, ему всё угождаютъ, его всё хвалятъ — даже за разные продѣлки, ужъ во всякомъ случаѣ не заслуживающія похвалы. Что другое, а это превосходство свое надъ всеми ребенкомъ хорошо понимаетъ и пользуется имъ: чуть что — онъ въ капризъ и тогда невольно предъ нимъ преклоняются.

Кто не видалъ такихъ маленькихъ самолюбцевъ? Кто не наблюдалъ ихъ тиранствъ надъ родителями и воспитателями? Можетъ быть мы беремъ крайности, указываемъ то, что дошло до видимой вредности: но вѣдь дѣло — въ принципѣ, въ той основѣ, на которой хотять строить святое дѣло воспитанія человека. Ужъ очень соблазнительнъ этотъ принципъ — дѣтское самолюбие, какъ мелко посредствомъ его заставить ребенка и учиться, и слушаться родителей въ тѣхъ, впрочемъ только случаяхъ, если для маленькаго самолюбца ясно, что они требуютъ отъ него того, что льститъ его самолюбию.

И поступаетъ такой самолюбчикъ въ школу, и тутъ опять все построено на томъ же принципѣ: съ одной стороны — учительки, похвальные листы, золотыя доски, первыя мѣста, а съ другой — черная доска, выговоры, единицы.

И вотъ ницетъ такой мальчуганъ, выходящій изъ дѣтства въ отрочество, своей мамѣ, — беремъ письмо дѣйствительное, не выдуманное нами, да такъ и не сочинивъ, — слушайте: „Дорогая мамуля,

„Ты знаешь, что я считалъ себя первым. По моему я первый, а там — какъ директор разсудит. Обидно стадо мнѣ, что я хотя и по своей винѣ не опустился въ классъ. Тогда я стал заниматься — потому что не захотѣлъ остаться за флагомъ. Но мама, я не добиваюсь

перваго мѣста: я только хочу лучше всѣхъ учиться.....“

„Гимназія мнѣ опротивѣла по уши, А.... а нѣтъ, с. В., разсорился, словом — дрянъ дѣло. Ты знаешь В.? Довольно умный жид, а с нимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но послѣ того, какъ онъ въ классъ перекрестился и плохо сказалъ про крещеніе, я с нимъ поссорился. Так — онъ хорошій малый, но онъ смѣялся надъ убѣжденіями и въсей вѣрой (которая у всѣхъ, заключается въ обрядахъ — такъ даже и батюшкѣ отвѣчали). Онъ не вѣрит, какъ говорится, ни въ Бога ни въ ч... (Я вѣрю въ Бога, но какъ и ты: въ Бога — Отца всепрощающаго. А обряды? Свидимся — переговорим)....“

Далѣе идутъ характеристики и другихъ товарищей въ томъ же родѣ, а въ заключеніе мальчикъ сообщаетъ матери, что прочиталъ „На горахъ“, читаетъ „Семью Подонскихъ“ и „Воскресенье“.

Какъ видитъ читатель — „мальчуганъ“ со всѣмъ — молодецъ. Онъ и въ нравописаніи предупредилъ даже знаменитую академическую комиссію: букву „ъ“, — эту сгорбленную безмасную старушку, — онъ вовсе не признаетъ. Зачѣмъ ждать рѣшенія ученаго ареопага объ этой буквѣ: онъ рѣшилъ, что писать о ее просто глупо и дѣлать копеечные вычисления такой комичной важностью, разсужденіе о томъ, что такое, по его мнѣнію, вѣра, какъ больно слышать такое сужденіе изъ устъ 12—13-лѣтняго мальчугана! Такъ и вѣтъ тотъ его письма въ одно и тоже время — и дѣтской наивностью, и какимъ-то уродливымъ само мнѣніемъ, нежеланіемъ знать или признавать чей-либо высшій надъ нимъ авторитетъ.

Загляните въ душу каждаго гимназиста, каждаго семинариста, даже ученика низшей школы: вырѣдко замѣтите въ нихъ, казалось бы столь естественное и притомъ столь милое въ ихъ возрастѣ, проявленіе чувствъ скромности, желанія прислушаться къ тому, что говорятъ, какъ думаютъ о томъ или другомъ люди взрослые. Не наоборотъ ли: школьники безпощадно критикуютъ своихъ учителей, даютъ имъ разные клички и прозвища, рассказываютъ и даже въ лицахъ представляютъ о нихъ комическіе анекдоты. Въ стою уваженія — много-много, если школяры окажутъ нѣкоторое снисхожденіе къ тѣмъ изъ учителей, которые относятся къ нимъ добродушно. Что это за „духъ“, что за настроеніе? откуда это? Не есть ли это плодъ

тѣхъ сѣмянъ, что заброшены въ ихъ душу едва не съ колыбели въ видѣ воть этихъ неумныхъ возбужденій дѣтскаго самолюбія, о коихъ мы выше говорили? И при дальнѣйшемъ развитіи юности, когда изъ него начнетъ складываться „молодой человекъ“, не отсюда ли вырастаетъ это преродливое отношеніе нашей молодежи къ власти, къ старшимъ, ко всѣмъ, вообще, *старымъ* авторитетамъ? Не отсюда ли это неудержимое стремленіе современныхъ юношей распоряжаться своею личною судьбою самостоятельно, помимо, даже вопреки воть, родителей избирать себѣ дальнѣйшій путь жизни? Особенно больно видѣть, какъ наши духовные юноши, окончившая семинарію, чуть не поголовно въ нѣкоторыхъ тепарихяхъ, покидаютъ путь, имъ рожденіемъ, и образованіемъ и — казалось бы — самою ихъ совѣстію имъ предуказываемый — служить Церкви Божіей, быть — какое высокое званіе, какая несказанная честь! — быть солию земли, свѣтомъ міра, сотрудниками Самого Іисуса Христа въ спасеніи душъ человеческихъ! Увы! — все ставитъ ни о чемъ предъ своею самолюбовію мечтою получить „высшее образованіе“, большее матеріальное обезпеченіе въ жизни, хотя бы это высшее образованіе сдѣлало имъ въ будущемъ не больше, какъ званіе андлошадинаго (доктора) (ветеринара)! О, конечно, такіе юнцы — не находка и для Церкви Божіей, въ нихъ видимо погасъ тотъ благодатный огонекъ чистаго идеализма, коимъ горѣли старые семинаристы 40-хъ—50-хъ годовъ истекшаго вѣка, — огонекъ, который и свѣтитъ и грѣетъ и даетъ жизнь и радость труженикамъ пастырскаго служенія. Церковь найдеть себѣ служителей и изъ среды простецовъ, если окажется въ томъ нуждана. Но мы отмѣчаемъ явленіе, крайне печальное для характеристики современнаго воспитанія. Мыкъ имѣемъ въ виду семинаріи, гдѣ изъ 120—140 окончившихъ курсъ заявляютъ желаніе приняты священство не болѣе 5—7 человекъ. Развѣ это не прискорбное, не *грозящее* въ будущемъ явленіе? *Вспыньи* и *вспыньи* и *вспыньи* Говоритъ о тѣхъ смутахъ, отъ коихъ такъ изболѣлось русское сердце въ послѣдніе годы, о смутахъ и разныхъ обструкціяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, объ участіи нашей молодежи въ политическихъ волненіяхъ? Вѣдь все это имѣетъ одинъ корень, одно общее начало — воспитаніе

на принципъ самолюбія, самоцѣна, самолюбія и самопоклоненія, воспитанія, въ которомъ совсѣмъ забывается страхъ Божій и вовсе не воспитывается христіанская совѣсть... Винять въ этомъ школы, конечно тутъ много, очень много и школа виновата, но не въ семьѣ ли брошены первыя сѣмена такихъ настроеній? Вѣдь не всѣ же поголовно и юнцы заражены имъ: вѣдь есть же добрые, скромные юнцы, и въ власть уважающіе, и своихъ наставниковъ, и сторонящіеся отъ всякаго школьнаго либерализма, отъ всякихъ „исторій“. Такими они были и въ средней школѣ, такими они были конечно и въ нашей, такими они пришли они и изъ семьи. А въ семьѣ ихъ учили *страху Божію* — этому началу всякой истинной премудрости ихъ сердца съ ранняго дѣтства опытомъ познало то, что свидѣтельствовали богодухновенный пророкъ, Царь Давидъ: сладокъ мнѣ законъ Твой, Господи, — слаще меда онъ устамъ моимъ. Сердце дѣтское больше, чѣмъ наше, заглубѣвшее, оплотнѣвшее сердце, способное непосредственнѣе насъ испытать все блаженство живой вѣры, — это сердце будетъ ревниво оберегать святиню вѣры оцъ, завѣтовъ и въ жизни, и въ школѣ. Ему будетъ жаль разстаться съ тѣмъ, что составляло блаженство его въ дѣтскомъ возрастѣ. Даже тогда, когда отравля отрицанія загубить душу подъ влияніемъ всякихъ тлетворныхъ вѣяній, даже тогда остается въ душѣ то скливое воспоминаніе этого блаженства дѣтской вѣры, и даже такіе кощунны — отрицатели, какимъ былъ Ренанъ, тоскуютъ о невозвратномъ прошломъ своего дѣтства въ глубинѣ души оплакиваютъ его.

Надобно, чтобы дитя съ первыхъ проблесковъ сознательной жизни научалось находить то, что мы, взрослые, называемъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, то, что составляетъ радость христіанской жизни, живое, непосредственное опущеніе нашего богатнаго общенія съ небомъ, съ Богомъ, — въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ; чтобы оно знало то блаженство, какое испытываетъ христіанинъ въ самопожертвованіи, въ предпочтеніи ближняго самому себѣ, въ дѣятельномъ исполненіи заповѣди о любви къ ближнему...

Какъ достигнуть этого — лучшею учительницею должна быть не плотская, животная, а истинно-христіанская любовь ро-

дителей къ своимъ дѣтямъ, любовь дѣ-
тельная, опытомъ собственной жизни про-
ходящая путь Господнихъ заповѣдей и
доброй христіанской жизни...

О Б ъ Я В Л Е Н І Я

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ Ж У Р Н А Л А

„ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“

въ 1904—1905 подписномъ году.

Съ 1-го августа настоящаго 1904 года журналъ „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“ вступаетъ въ *восемнадцатый* годъ своего изданія. Поставивъ задачу оказывать завѣдующимъ церковными школами и учащимъ въ нихъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ воспитанія и обученія, редакция журнала заботилась по мѣрѣ возможности о разъясненіи возникшихъ вопросовъ по преимуществу въ практическомъ смыслѣ, имѣя въ виду главнымъ образомъ потребности и нужды школъ церковныхъ. Редакция надѣется, что установившаяся въ теченіи минувшихъ лѣтъ живая духовная связь между нею и непосредственными церковно-школьными дѣятелями еще болѣе расширится въ будущемъ и что лица эти, содѣйствуя распространенію журнала въ средѣ учащихся, и съ своей стороны не откажутся знакомить насъ со всеми сторонами школьной жизни, условиями воспитанія и обученія, внѣкласснаго чтенія, внѣклассныхъ бесѣдъ, занятій по садоводству, огородничеству, пчеловодству и проч. Школа въ этомъ отношеніи представляетъ такое же богатство и разнообразіе, какъ и всякій живой организмъ, какъ и самая жизнь.

Журналъ „Церковно-приходская Школа“ въ наступающемъ году изданія будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно въ двухъ отдѣлахъ. Согласно съ утвержденною Святѣйшимъ Синодомъ программой, въ *первомъ отдѣлѣ* журнала, кромѣ дидактическихъ указаній по предметамъ обученія въ школахъ церковно-приходскихъ и грамоты, будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся устройства школы вообще, внѣшнихъ порядковъ въ ней, способовъ содержанія и осуществленія этихъ способовъ на практикѣ въ различныхъ епархіяхъ, а также обзорніе выдающихся статей въ педагогическихъ журналахъ и разборъ книгъ, издаваемыхъ для школъ и народа. *Во второмъ отдѣлѣ*, назначаемомъ для чтенія въ школѣ и дома, будутъ помѣщаемы, составленные примѣнительно къ дѣтскому пониманію, статьи и рассказы, которые по окончаніи года составятъ отдѣльный, законченный небольшой томъ для дѣтскаго и народнаго чтенія.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Кіевѣ*: 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская Школа“; 2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской духовной семинаріи. 3) у книгопродавца И. А. Розова, въ Кіевѣ и Одессѣ.

Въ *С.-Петербургѣ*: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова.

Въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ:
ИРМОЛОГІИ

НОТНАГО ПѢНІЯ

Свято-Троицкой Сергіевой Лавры,
СОСТАВЛЕННЫЙ

бывш. регентомъ лаврскаго хора **Архимандритомъ Аарономъ** († 1890 г.). Съ приложеніемъ Указателя употребленія ирмосовъ.

Изданіе второе, исправленное.

СВ.-ТР. СЕРГІЕВА ЛАВРА 1904 Г. IV—214—40 СТР.

Цѣна безъ переплета 2 руб.

„ въ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб.

„ въ кож. переплетѣ 3 руб. 50 к.

За пересылку прилагается по вѣсу. Желающіе выписывать книгу могутъ обращаться въ книжный складъ Лавры, Сергіевъ посадъ, Моск. губ.

Вышла новая 26-я кв. Тр. Нар. Вѣсды

**ГОСПОДИ СИЛЪ,
СЪ НАМИ БУДИ!**

Благословеніе Обители Преп. Сергія Христіоловимоу воинству.

Цѣна 3 коп., съ перес. 5 коп.

Выписывать можно изъ редакціи „Троицкихъ Листковъ“

СОДЕРЖАНІЕ: Школа въ борьбѣ за трезвость! (Статья третья). *Димитрія Введенскаго*. — Мненія съ тѣневыми картинами о пьянствѣ. *Святу Иоанна Молебнова*. — Изъ учительскихъ дневниковъ: Ребятишки виноваты. (Изъ школьной жизни). *К.* — Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ). — Библиографія. *Д. Введенскаго*. — Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 21-я (четыре статьи).

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходить ежемѣсячно.

Редакторъ **Епископъ НИКОНЪ**.

Печатать дозволяется. Визанія. Августа 17 дня, 1904 года. Цевзоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Вгльевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Вышла новая книжка:
„ЗОЛОТАЯ ПЧЕЛКА“

съ приложеніемъ списка книгъ для чтенія. Сборникъ статей и стих. для школьнаго и народнаго чтенія.

Содержаніе: Остапъ (разсказъ). — Школьный экзаменъ (стихотвореніе). — Знахарка (разсказъ). — Страшный врагъ (стих. въ прозѣ). — Памяти А. П. Мироносицкаго (стих.). — На Божьемъ пути (разсказъ). — Шыре бажанія (стих. на малорусскомъ языкѣ). — Два крестьянина (разсказъ). — Вернулся (разсказъ).

Цѣна 10 коп.

Составилъ *С. А. Козубовскій*.

При выпискѣ десяти и болѣе экземпляровъ уступка—15%.

Требованія адресовать въ м. Немировъ, Подольской губ., въ книжный магазинъ *Р. В. Шерра*.

Вышла новая брошура

Д. Введенскаго.

**О ПОЧИВШЕМЪ О. НАМѢСТНИКѢ
СВ.-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ,
АРХИМАНДРИТѢ ПАЗЛѢ**

(Съ портретомъ) ц. 20 к.

Выписывать можно изъ редакціи *Троицкихъ Листковъ*.